Солженицын Александр

23.11.00

ИСТОРИЯ В ЛИЦАХ

Александр Солженицын и Андрей Сахаров

Андрей Дмитриевич Сахаров и Александр Исаевич Солженицын встретились в первый раз 26 августа 1968 года — через несколько дней после оккупации Чехословакии войсками Варшавского пакта. Это событие стало большим потрясением для всех диссидентов, и многие из нас искали какие-то формы, чтобы выразить на этот счет свой протест.

АКАДЕМИК и трижды Герой Социалистического Труда А. Сахаров только недавно — в мае 1968 года — выступил как диссидент, обнародовав свой первый большой меморандум "Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе". Это выступление быстро принесло Сахарову известность — и в Советском Союзе, и в западных странах. Но у него еще не было почти никаких связей не только с диссидентскими группами, но и с писателями и учеными за пределами большой, но замкнутой группы ученых-атомщиков.

А. Солженицын получил мировую известность еще в конце 1962 года, после публикации в "Новом мире" рассказа "Один день Ивана Денисовича" — первой небольшой книги о сталинских лагерях, опубликованной в СССР. Но тогда это было частью "десталинизации", проводимой Н. Хрущевым после XXII съезда КПСС. И на встречах руководителей партии с деятелями культуры не только Н. Хрущев, но и М. Суслов жали Солженицыну руку и горячо приветствовали публикацию "Ивана Денисовича". На путь открытой оппозиции режиму Солженицын вступил лишь в мае 1967 года, обнародовав свое "Открытое письмо IV съезду Союза советских писателей".

В это же время был отправлен на Запад для перевода и публикации большой роман Солженицына "В круге первом". У Солженицына было много друзей и знакомых среди писателей, но он держался в стороне от всех диссидентских кружков. Однако теперь, в конце августа, ни Солженицын, ни Сахаров не хотели молчать и решили как-то объединить свои силы.

В эти дни в самых разных группах возникла мысль о содержательном протесте, который могли бы поддержать несколько десятков наиболее известных тогда деятелей интеллигенции. Неожиданно очень эмоциональный и глубокий по содержанию текст предложил кинорежиссер Михаил Ильич Ромм. Сахаров был готов подписать этот текст, но не хотел, чтобы его подпись стояла первой. Поздно вечером 23 августа подпись под этим документом поставил академик Игорь Тамм, его примеру последовало еще несколько ученых. Вечером 24 августа в Москву приехал А. Солженицын — для знакомства с ситуацией и поддержки общего протеста. 25 августа он встречался с разными людьми, а на следующий день с соблюдением всех правил конспирации Солженицын встретился и долго беседовал с Сахаровым.

Это была встреча один на один. Ее нельзя было полностью скрыть от органов КГБ, так как Сахаров был в то время не только секретным, но и охраняемым ученым. Еще в начале 60-х годов он решительно отказался от открытой охраны, но не мог воспрепятствовать скрытому сопровождению. Однако о содержании и характере беседы Сахарова и Солженицына мало что могли узнать и в "органах", лишь много позднее и Солженицын, и Сахаров написали об этой важной для них встрече в своих мемуарах. Трудно поэтому удержаться от цитат.

"Я встретился с Сахаровым в первый раз в конце августа 68-го года, — писал Солженицын, — вскоре после нашей оккупации Чехословакии и после выхода его меморандума. Сахаров еще не был выпущен тогда из положения особосекретной и особоохраняемой личности. С первого вида и с первых же слов он производит обаятельное впечатление: высокий рост, совершенная открытость, светлая, мягкая улыбка, светлый взгляд, теплогортанный голос. Мы просидели с ним четыре вечерних часа, для меня уже довольно поздних, так что я соображал неважно и говорил не лучшим образом. Я был, наверное, недостаточно вежлив и излишне настойчив в критике, хотя сообразил это уже потом: не благодарил, не поздравлял, а все критиковал, опровергал, оспаривал его меморандум. И именно вот в этой моей дурной двухчасовой критике он меня и покорил! — он ни в чем не обиделся, хотя поводы были, он не настойчиво возражал, объяснял, слабо-растерянно улыбался — а не обиделся ни разу, нисколько — признак большой, щедрой души. Потом мы примерялись, не можем ли как-то выступить насчет Чехословакии — но не находили, кого бы собрать для сильного выступления: все именитые отказывались".

А вот что писал Сахаров: "Мы встретились на квартире одного из моих знакомых. Солженицын с живыми голубыми глазами и рыжеватой бородой, темпераментной речью необычайно высокого тембра голоса, контрастировавшей с рассчитанными, точными движениями, — он казался живым комком сконцентрированной и целеустремленной энергии. Я в основном внимательно слушал, а он говорил — страстно и без каких бы то ни было колебаний в оценках и выводах. Он остро сформулировал — в чем он со мной не согласен. Ни о какой конвергенции говорить нельзя. Запад не заинтересован в нашей демократизации, он запутался со своим чисто материальным прогрессом и вседозволенностью, но социализм может его окончательно погубить. Наши вожди — это бездушные автоматы, они вцепились зубами в свою власть и блага и без кулака зубов не разожмут. Я преуменьшаю преступления Сталина и напрасно отделяю от него Ленина. Неправильно мечтать о многопартийной системе, нужна беспартийная система, ибо всякая партия — это насилие над убеждениями ее членов ради интересов заправил. Ученые и инженеры — это огромная сила, но в основе должна быть духовная цель, без нее любая научная регулировка — самообман, путь к тому, чтобы задохнуться в дыме и гари городов. Я сказал, что в его замечаниях много истинного, но моя статья отражает мои убеждения. Главное — указать на опасности и возможный путь их устранения. Я рассчитываю на добрую волю людей. Я не жду ответа на мою статью сейчас, но я думаю, что она будет влиять на умы".

Какой-либо общий документ по поводу оккупации Чехословакии подготовить не удалось. На Игоря Тамма было оказано сильное давление, и он снял свою подпись. После этого все рассыпалось.

В 1969 году тяжелая болезнь, а затем и смерть первой жены Сахарова надолго выбила его из колеи. Он почти ни с кем не встречался. Но весной 1970 года Сахаров вернулся и к научной, и к диссидентской деятельности. Он активно участвовал во многих акциях правозащитного движения и познакомился со многими из его деятелей. Встретился Сахаров в 1970 году и с Солженицыным, но никакой совместной работы у них не получилось, это были слишком разные люди и по взглядам, и по темпераменту, и по отношению к другим людям.

Солженицын, в частности, решительно отказался от участия в разного рода кампаниях по защите людей, подвергшихся политическим репрессиям. "Я спросил его, — свидетельствовал Сахаров, — можно ли что-либо сделать, чтобы помочь Григоренко и Марченко. Солженицын отрезал: "Нет! Эти люди пошли на таран, они избрали свою судьбу сами, спасти их невозможно. Любая попытка может принести вред и им, и другим". Меня охватило холодом от этой позиции, так противоречащей непосредственному чувству".

Осенью 1970 года Солженицыну была присуждена Нобелевская премия по литературе — четвертая для русской литературы после Ивана Бунина, Бориса Пастернака и Михаила Шолохова. Его известность в мире росла, но сам он называл 1971 год "проходом полосы затмения, затмения решимости и действия". Солженицын отказался подписать составленное Сахаровым письмо в Президиум Верховного Совета СССР об отмене в нашей стране смертной казни. Писатель сказал, что участие в такого рода коллективных акциях будет мешать выполнению тех задач, за которые он чувствовал на себе ответственность. После этого Сахаров и Солженицын не встречались и не беседовали друг с другом более года.

ДО ВЕСНЫ 1972 года ни Сахаров, ни Солженицын не встречались с иностранцами и не давали интервью западным корреспондентам, и этому было тогда много причин. Однако в 1972 году они стали искать контакты с работавшими в Москве иностранными корреспондентами: Солженицыну нужно было более активно защищаться, а Сахаров хотел расширить возможности своей правозащитной деятельности, что было трудно в то время сделать без западных СМИ. Это было время разрядки, и советские власти были вынуждены как-то реагировать на западное общественное мнение. Редкие контакты с западными журналистами в 1972 году расширились и стали в 1973 году почти регулярными.

Многие из корреспондентов, работавших в Москве в 70-е годы, позднее написали по книге о своем пребывании в СССР. И в этих книгах можно прочесть немало страниц об их общении с диссидентами, в том числе с Сахаровым и Солженицыным. Наибольший успех выпал в этой серии корреспонденту "Нью-Йорк таймс" Хедрику Смиту, чья книга "Русские" была переведена на многие языки и получила престижную Пулитцеровскую премию. Вторая книга Хедрика Смита на ту же тему была написана уже в 80-е годы, и ее заголовок "Новые русские" стал нарицательным, хотя сам автор имел в виду отнюдь не бизнесменов и мафиози 90-х годов.

Вот как писал американский журналист о своей первой встрече с Солженицыным: "Солженицын вел себя в первые минуты встречи сердечно и непринужденно. Он выглядел точно так, как на тех фотографиях, которые я видел, но казался больше и выше. Он оказался более энергичным, чем я ожидал: он то и дело вскакивал со стула и со спортивной легкостью ходил по комнате. Его невероятная энергия внешность, ни властная индивидуальность, ни воинственный темперамент Солженицына. Совершенно различен и внешний вид этих двух людей. Солженицын с его мощной грудью, морщинистым красноватым лицом, натруженными руками, бородой цвета красного дерева и проницательными глазами оставлял впечатление физической и духовной силы. В отличие от него Сахаров производил впечатление человека, легко уязвимого. Высокого роста, слегка сутулый, с высоким лбом мыслителя и двумя прядями седеющих волос вокруг лысины, с большими руками, не знавшими физической работы, с печальными, сострадательными глазами, этот человек кажется обращенным в себя, в свой внутренний мир; это настоящий русский интеллигент, интеллектуал до мозга костей. В его сдержанности и манере вести беседу сразу чувствовался одинокий мыслитель. Его природная склонность к уединению усилилась за двадцать лет изоляции из-за секретной работы в области атомных исследований".

Все более жесткое противостояние Солженицына и Сахарова с властями сопровождалось массированной газетной кампанией, в которой имена этих двух людей, как правило, объединялись. При этом Сахаров, который был не просто академиком, но и лауреатом всех премий и трижды Героем Социалистического Труда, изображался обычно оторванным от жизни и от политики "простаком", тогда как о Солженицыне, уже исключенном из Союза писателей, газеты писали как о "предателе".

Постепенно имена Сахарова и Солженицына стали объединяться не только в советской и западной печати, но и в передачах западных радиостанций на СССР. "В мрачной обстановке Советского Союза, — говорилось в одной из передач Би-би-си, — Солженицын и Сахаров бросили свой вызов советским и западным руководителям. Если их заставят замолчать силой — это только докажет, что они говорят правду".

В такой обстановке Сахаров и Солженицын должны были как-то согласовать свои публичные заявления. В конце 1972 года они снова стали встречаться, как правило, в Жуковке — элитном поселке под Москвой. Александр Солженицын жил и работал здесь с осени в домике садовника при большой даче Мстислава Ростроповича. Но здесь же стоял и удобный загородный дом Сахарова, сложенный из белого кирпича. Два таких дома были подарены советским правительством Игорю Тамму и Андрею Сахарову за заслуги в создании водородной бомбы.

Раньше Сахаров почти не бывал в Жуковке, и его дом стоял закрытым, потом здесь стала жить старшая дочь с семьей, но иногда приезжал и сам Сахаров. Обычно он приходил к Солженицыну со своей второй женой Еленой Георгиевной Боннэр, что вызывало раздражение писателя. У Солженицына также была теперь новая семья. Его второй женой стала Наталья Дмитриевна Светлова, но она редко появлялась в Жуковке.

В конце августа 1973 года Солженицын распространил свою программную статью "Мир и насилие", в которой выдвинул Сахарова кандидатом на Нобелевскую премию мира. Нобелевские лауреаты имели право на выдвижение, но должны были делать это в закрытом порядке — как эксперты. Поэтому предложение Солженицына не рассматривалось. Как известно, Сахаров получил Нобелевскую премию мира позже — в 1975 году, и общественная кампания в пользу такого решения, начатая Солженицыным и поддержанная позднее даже в конгрессе США, вероятно, сыграла здесь немалую роль.

ВЗАИМНАЯ поддержка Солженицына и Сахарова не означала их полного согласия. Солженицын и Сахаров были слишком разными людьми, и не только по своим личным качествам, но и по убеждениям и мировоззрению. Оба они отрицательно относились к советской действительности 60—70-х годов, но на этом их согласие заканчивалось. Сахарову была чужда религиозность Солженицына, и он не мог принять призывы писателя покаяться перед Богом, служить и молиться Богу, который только и может наставить Россию на истинный путь — через своих пророков. Совершенно различным было и их отношение к "русской идее". Идея национальности интересовала Сахарова лишь в общем контексте проблемы прав человека, а для Солженицына это была центральная и главная идея, хотя и в его собственном толковании, которого не разделяли другие националисты. Поэтому Солженицына не волновала проблема прав человека.

До начала 1974 года эти разногласия проявлялись только в беседах академика и писателя друг с другом, которые Солженицын, однако, записывал и комментировал в своем литературном дневнике. Такой дневник ведут обычно все писатели, чтобы использовать позднее свои впечатления и мысли в романах, рассказах или мемуарах.

В мемуарах Солженицына, опубликованных позднее, было немало восторженных отзывов о Сахарове, само появление которого в верхах советской научной элиты писатель называл "чудом". "Его дивное явление в России, — писал Солженицын, — можно ли было предвидеть? Я думаю: да. По исконному русскому расположению — должны пробирать людей раскаяние и совесть. Да, это — по-нашему! И я, например, при своем оптимизме, всегда так ожидал: появятся! появятся такие люди (я думал, их будет больше), кто презрит блага, вознесенность, богатство — и попутствует к народным страданиям. И — какие возможности таились бы в таких переходах!" Солженицын сравнивал свои и Сахарова публичные выступления, которые широко освещались в западных СМИ и были направлены против советских лидеров и режима с "встречным боем двумя колоннами". Но писатель сетовал, имея в виду Сахарову, что "с соседней союзной колонной не налажено было у нас путей совета и совместных действий". Солженицын называл Сахарова в своих заметках "наивным, как ребенок", "слишком прозрачным от собственной чистоты", "чрезмерно внимательным к "доброжелателям". "Ясность его действий, — писал Солженицын, — сильно отемнена расщепленностью жизненных намерений: стоять ли на этой земле до конца или позволить себе покинуть ее".

Особенно резко, порой даже грубо высказывался писатель о жене Сахарова Е. Боннэр. "Мы продолжали встречаться с Сахаровым в Жуковке, — писал Солженицын, — но не возникали между нами совместные проекты или действия. Во многом это было из-за того, что теперь не оставлено было нам ни одной беседы наедине, и я опасался, что сведения будут растекаться в разлохмаченном клубке вокруг "демократического движения". Сахаров все более уступал воле близких, чужим замыслам". Между Сахаровым и Солженицыным росло отчуждение, их последняя встреча состоялась 1 декабря 1973 года. Солженицыну казалось, что Сахаров сломлен и хочет добиваться отъезда из СССР за границу.

За границей оказался, однако, не Сахаров, а Солженицын. Он был лишен гражданства и выслан из Советского Союза.

Еще 12 февраля 1974 года, узнав об аресте Солженицына, Сахаров тотчас поехал на квартиру его жены Н. Светловой, где писатель жил большую часть времени, хотя его и отказывались здесь прописывать. Здесь уже находились Игорь Шафаревич, Лидия Чуковская, Юлий Даниэль, Вадим Борисов, Наталья Горбаневская и другие правозащитники или друзья Солженицына. Прямо по телефону Сахаров сделал заявление для канадского радио и телевидения, которое было распространено и другими СМИ: "Я говорю из квартиры Солженицына. Я потрясен его арестом. Здесь собрались друзья Солженицына. Я уверен, что арест Александра Исаевича — месть за книгу, разоблачающую зверства в тюрьмах и лагерях. Если бы власти отнеслись к этой книге как к описанию прошлых бед и тем самым отмежевались от этого позорного прошлого, можно было бы надеяться, что оно не возродится. Мы воспринимаем арест Солженицына не только как оскорбление русской литературы, но и как оскорбление памяти миллионов погибших, от имени которых он говорит. 12 февраля 1974 г., 22 часа".

Протесты по поводу ареста и высылки Солженицына продолжались еще две-три недели, но затем они сменились полемикой уже не с властями, а с самим Солженицыным, что было вызвано рядом его заявлений и публикаций. Главным поводом для открытой полемики стал первый политический меморандум Солженицына "Письмо вождям Советского Союза" — документ, который был написан, по-видимому, летом 1973 года и отправлен в Кремль 5 сентября 1973 года. Это письмо в виде небольшой брошюры было опубликовано в марте 1974 года на русском языке издательством "ИМКА-Пресс" в Париже и почти сразу же переведено на многие языки. По поводу этого "Письма" среди диссидентов было много полемики, позднее был составлен большой сборник откликов, как правило, критических.

Но наибольшее внимание и в диссидентских кругах, и в западной печати привлек отклик Сахарова, опубликованный в форме большой статьи в апреле 1974 года. Соглашаясь с солженицынской критикой советской действительности и истории, Сахаров решительно возражал против особого подчеркивания страданий и жертв именно русского народа. И ужасы гражданской войны и раскулачивания, голод и репрессии сталинского времени — все это в равной мере коснулось и русских и нерусских народов. "А такие акции, как насильственная депортация — геноцид и подавление национальной культуры, — это даже в основном привилегия именно нерусских". Солженицын, по мнению Сахарова, преувеличивает опасности советско-китайского конфликта, роль идеологии в системе власти, а также опасности урбанизации и технического прогресса, Сахаров считал порочными и неприемлемыми предложения Солженицына о сохранении и в будущей России умеренного авторитарного строя, при котором Россия жила столетиями, "сохраняя свое национальное здоровье".

"Эти высказывания Солженицына, — писал Сахаров, — мне чужды. Существующий в России веками рабский, холопский дух, сочетающийся с презрением к иноземцам и иноверцам, я считаю не здоровьем, а величайшей бедой". Сахаров считал невозможным интенсивное освоение северных и восточных земель России силами одной русской нации, предложенное Солженицыным. В условиях холода и бездорожья решить эту проблему можно только при международном экономическом сотрудничестве, изоляционизм здесь вдвойне ошибочен. Предложение Солженицына об отказе от больших городов, о жизни небольшими общинами, о замене крупных производств небольшими предприятиями Сахаров называл мифотворчеством, нереальным и даже опасным.

Солженицын внимательно прочел статью Сахарова и ответил на нее отдельной статьей, которая вошла в большой сборник теоретических и философских работ Солженицына и нескольких его приверженцев — "Из-под глыб", опубликованный в ноябре 1974 года в Париже издательством "ИМКА-Пресс". Он повторил здесь свои обвинения в адрес марксистской идеологии, которая "выкручивает наши души, как поломойные тряпки, растлевает нас и наших детей, опуская нас ниже животного состояния". "И она не имеет значения"? Да есть ли что-либо более отвратительное в Советском Союзе? Если все не верят и все подчиняются — это указывает не на слабость Идеологии, а на страшную силу ее". Быстрая демократизация в СССР, по мнению Солженицына, опасна, так как межнациональные противоречия, "десятикратно накаленные, чем в прежней России, разорвут страну и затопят ее кровью, если демократия будет рождаться в отсутствие сильной власти".

Остальные расхождения, в том числе по проблемам прогресса, об освоении Севера, о судьбе крупных производств и городов, даже о национальных проблемах Солженицын оценил как второстепенные или основанные на плохом понимании взглядов и предложений писателя. В сборнике "Из-под глыб" было опубликовано и большое письмо Солженицына Сахарову, в котором содержались разбор и критика меморандума "Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе". По свидетельству Солженицына, он передал это письмо лично Сахарову еще в 1969 году, но решил тогда не передавать его в самиздат.

Разногласия по общим проблемам развития СССР и России, которые возникли между Сахаровым и Солженицыным в начале 70-х годов, осложнились с осени 1974 года и некоторыми личными обидами. Дело в том, что через несколько месяцев после высылки из страны Солженицын опубликовал в Париже на русском языке свои мемуары "Бодался теленок с дубом, или Очерки литературной жизни". Многие страницы этой книги были посвящены Сахарову. Новая книга Солженицына по разным каналам попадала в Москву, и диссиденты, а также писатели читали ее по очереди. Прочел эту книгу и Сахаров еще за несколько недель до того, как один из немецких корреспондентов передал ему экземпляр "Теленка" с очень лестной дарственной надписью автора. Но эта надпись уже не могла тронуть Сахарова, так как книгу он уже прочел и был лично очень задет и обижен, о чем сказал и немецкому корреспонденту.

Для тех, кто знал Сахарова, его раздражение было понятно. Он был всегда совершенно равнодушен к нападкам и обвинениям в свой адрес, но он крайне болезненно реагировал на все обвинения в адрес своей жены и своей новой семьи, сознавая, что он невольно является виновником всех этих неприятностей для близких ему теперь людей. Его реакция была нередко неадекватной: в конце 70-х годов и в начале 80-х он несколько раз прибегал даже к голодовкам, и поводом к ним были не его собственные проблемы, а проблемы жены и ее родственников. Но Сахаров переживал их сильнее своих проблем. Обида Сахарова на Солженицына была очень сильной, и в книге своих мемуаров, над которой Сахаров начал работать в годы ссылки в г. Горьком, он попытался ответить на упреки, или даже намеки, Солженицына. Сахаров решительно отвергал слова Солженицына о принадлежности его жены и самого Сахарова к "разлохмаченным клубкам" диссидентских кружков. Саму оценку своей деятельности как "встречного боя" он называл неудачной.

МНОГОЕ в этой заочной полемике и со стороны Солженицына, и со стороны Сахарова представляется весьма мелочным и необъективным, комментировать ее нет смысла. "Мне обидно, — писал уже через 10 лет Сахаров, — что Александр Исаевич, гонимый своей целью, своей сверхзадачей, так много не понял или, вернее, не захотел понять во мне и моей позиции в целом, не только в вопросе об эмиграции, но и в проблеме прав человека, и в Люсе, в ее истинном образе и ее роли в моей жизни. Я совсем не ангел, не политический деятель, не пророк. Мои поступки и моя эволюция — это не результат чуда, а влияние жизни, в том числе влияние людей, бывших рядом со мной, называемых "сонмищем продажной интеллигенции", влияние идей, которые я находил в книгах".

После чтения "Теленка" Сахаров утратил интерес к полемике с Солженицыным, хотя его и пытались подтолкнуть некоторые из диссидентов. Уже в начале 1975 года Солженицын в нескольких интервью попытался вернуться к своим спорам с Сахаровым. Но Андрей Дмитриевич не поддержал этой полемики. В своей работе "О стране и мире", которая была закончена в июне 1975 года, он заметил, что "не видит поводов для продолжения начатой им с Солженицыным дискуссии".

В течение 10 лет — с конца 1975 года и до конца 1985 года — Сахаров в своих выступлениях практически ни разу не упоминал о Солженицыне, а Солженицын лишь два-три раза публично высказывался о Сахарове. В 1977 году в приветствии "Сахаровским слушателям" в Риме Солженицын писал об "осаде и травле гоевского масштаба", которой подвергается в СССР человек, давший имя слушаниям. В мае 1981 года Солженицын прислал из Вермонта в Горький телеграмму ссыльному Сахарову. "Желаю Вам, — писал Александр Исаевич, — чтобы вопреки насилию ссылка оказалась бы для Вас духовно плодотворна и открыла бы Вам новые глубины в служении своему народу". Не знаю, получил ли эту телеграмму Сахаров; он находился в почти полной почтовой изоляции.

Находясь за границей, Солженицын постепенно вступил в конфликт почти со всеми видными деятелями "третьей эмиграции", в том числе со своими недавними друзьями и соратниками — и по лагерной жизни, и по жизни в Москве. Его новые мемуары "Угодило зернышко промеж двух жерновов", которые публикуются по частям в журнале "Новый мир" 1998—1999 гг. и в № 9 за 2000 г., полны разного рода претензий, чаще всего мелочных и несправедливых или просто непонятных для современного российского читателя, к деятелям российской эмиграции, к западным журналистам и общественным деятелям.

Но особенно много страниц в этих новых мемуарах посвящено Сахарову. Солженицын излагает даже свою версию биографии Сахарова и мотивов его поведения. Солженицыну крайне не нравится атеизм Сахарова: "В атеизме же — он прочен, тут он — верный наследник дореволюционной интеллигенции", а также сама концепция или идеология прав человека, которую Солженицын считает одной из форм анархизма: "надо же помнить и о целом, об обязанностях каждого, о правах государства".

Но особенно возмущает Солженицына упорная защита Сахаровым права на эмиграцию как главного из всех прав человека; это и многим из нас было непонятно. "Да, — писал Солженицын в своем литературном дневнике в 1982 году, — сегодняшний Сахаров достаточно много видит в советской жизни, он не кабинетный удаленец. И — какую же вопиющую боль, какую страстную безотложную нужду он возносит первее и выше всех болей и нужд раздавленной, обескровленной, обеспамятенной и умирающей страны? Право дышать? Право есть? Право пить чистую воду, не из колодцев прошлого века и не из отравленных рек? Право на здоровье? рожать здоровых детей? Нет! Первейшим правом — он объявляет право на эмиграцию! Это — сотрясательно, поразительно, это можно было бы считать какой-то дурной оговоркой, если бы Сахаров не произнес и не написал бы этого многажды".

Сахаров, по мнению Солженицына, идеализирует Запад и совершенно не понимает национальных проблем России. "Развиваясь душевно и выстраивая всечеловеческие проекты, Сахаров доконечно выполняет свой долг перед демократическим движением, перед "правами человека", перед еврейской эмиграцией, перед Западом — но не перед смертельно больной Россией. Многих истинных проблем России он не поднимает, не защищает так самозабвенно и горячо. Он показывает на высоком взносе возможности русской совести — но будущее наше он рисует безнационально, в атрофии сыновнего чувства. От нашего тела рожден замечательный, светлый человек, но весь порыв своей жертвы и подвига он ставит на службу — не собственно родине. Как и для всех февралистов, Сахарову достаточно свободы — а Россия там где-то поблекла". Казалось бы, — заключает свои рассуждения о Сахарове автор мемуаров, — сколько объединяет нас с Сахаровым: ровесники, в одной стране, одновременно и бескомпромиссно встали против господствующей системы, вели одновременные бои и одновременно поносились улюлюкающей прессой; и оба звали не к революции, а к реформам. А разделила нас — Россия".

В самом конце 1986 года Сахаров был возвращен из ссылки и вместе с Боннэр приехал в Москву, где друзья торжественно встречали его на Ярославском вокзале. Полной реабилитации еще не было, но Сахаров получил возможность возобновить и постепенно расширять свою общественную, научную и правозащитную деятельность. В 1988 году были сняты запреты на поездки Сахарова за границу, чего он и сам не ожидал получить так быстро. Этот вопрос обсуждался на заседании Политбюро ЦК КПСС и был решен положительно по просьбе академика Е. Велихова и под поручительство академика Ю. Харитона. Сахаров вылетел в США, где принял участие в заседании Международного фонда за выживание и развитие: этот фонд был создан в 1987 году, и Сахаров был избран одним из его директоров.

Сахаров выступал в Нью-Йорке, Вашингтоне, Бостоне, а из гостиницы небольшого города Ньютон он позвонил в Вермонт Солженицыну, чтобы поздравить его с 70-летием. Жена Солженицына Наталья Светлова, взяв трубку, сказала сначала, что писатель никогда не подходит к телефону. В доме, который Солженицын построил специально для работы над эпопеей "Красное колесо" вообще не было телефона. Однако для Сахарова было сделано исключение, и через несколько минут Солженицын подошел к телефону.

Разговор коснулся не только юбилея писателя, но и судьбы созданного в Советском Союзе общества "Мемориал", почетным председателем которого был избран Сахаров. В Общественный совет этого общества были избраны открытым голосованием еще несколько известных диссидентов, включая Солженицына, но он решительно отказался от этого. Однако доводы Солженицына не показались Сахарову убедительными. Сахаров напомнил Солженицыну, что тот глубоко обидел в "Теленке" как самого академика, так и его жену. "Она совсем не такой человек, каким вы ее изобразили", — сказал Сахаров. "Хотел бы верить, что это не так", — ответил после некоторого молчания Солженицын. Но Сахаров не счел эти слова достаточным извинением.

БОЛЬШЕ эти два человека друг с другом не общались, хотя Сахаров, конечно же, подписывал любые обращения в защиту Солженицына — и о возвращении писателю советского гражданства, и о необходимости опубликовать "Архипелаг".

Еще в 1974 году американский журнал "Сатердей ревью" попросил Сахарова изложить свой взгляд на мир, каким он будет через 50 лет — в 2024 году. Статья Сахарова была уже тогда опубликована, и половина срока уже прошла. Одно из предсказаний академика — создание не только всемирной телефонной и видеотелефонной, но также и всемирной информационной связи — осуществляется даже быстрее, чем он думал, — в форме Интернета. Сахаров предполагал, что для создания такой всемирной информационной системы 50 лет недостаточно. Но другие предсказания Сахарова — разделение всей Земли на "Рабочую территорию" в 30 миллионов кв. км и "Заповедную территорию" в 80 миллионов кв. км, создание сверхгородов с многоэтажными домами-горами, с искусственным климатом и искусственным комфортом, с гигантскими автоматическими и полуавтоматическими заводами, с благополучными и чистыми пригородами, с "летающими городами" на искусственных спутниках, а также с подземными городами и т.д. — все это, кажется, никто и не думает осуществлять. Не происходит и превращения ООН в какое-то всемирное правительство, о создании которого мечтал Сахаров. Прочитав эту статью, Солженицын отозвался о ней как об "опасной утопии". "Кому нужна, — писал Солженицын, — эта призрачная сверхстрана без ощутимого прошлого, во всяком случае без нашего прошлого".

Но в том же 1974 году в "Письме вождям Советского Союза" Солженицын изложил и свое видение будущего, если не всего мира, то России. Он предлагал отказаться от военного и космического бюджета страны, а на сэкономленные деньги "растопить" и "растеплить" российский северо-восток. Сюда в северные и восточные районы России писатель предлагал перенести "центр государственного внимания, национальной деятельности, центр расселения и поисков молодых — с юга нашей страны и из Европы". "Построение более чем половины государства на новом свежем месте, — заявлял Солженицын, — позволяет нам не повторять губительных ошибок XX века — с промышленностью, с дорогами, с городами". Города были особенно ненавистны писателю. В стране нужно строить лишь небольшие предприятия, но "с дробной и высокой технологией". И даже сельское хозяйство можно создавать на Севере ("с большими затратами, конечно", — добавлял писатель). И здесь уже Сахаров оценивал проекты Солженицына как утопию, как "опасное мифотворчество".

ЕЩЕ через 15 лет, осенью 1989 года, уже в качестве народного депутата и одного из лидеров оппозиционной Межрегиональной депутатской группы (МДГ) Сахаров разработал в форме конституции свой проект переустройства Советского Союза в Союз Советских Республик Европы и Азии. Он передал этот проект М. Горбачеву, который возглавил созданную Съездом народных депутатов Конституционную комиссию. Это было 27 ноября, то есть всего за 17 дней до неожиданной и скоропостижной смерти Сахарова. Мы узнали об этом документе как о "Конституции Сахарова" только в начале 1990 года, когда он был опубликован в московском журнале "Горизонт". Это был утопический проект, основанный на идеях конвергенции, интернационализма, демократизма, идеализма и популярной среди физиков идеи Мирового правительства, которую защищал еще Альберт Эйнштейн. Сахаров пояснял, что он выступает за объединение всех людей на Земле независимо от их расы, национальности и религии, от пола, возраста и социального положения, что он обращается не к нациям, а к людям.

Всего через несколько месяцев после "Конституции Сахарова" в советской печати был опубликован и проект конституционной реформы, который был разработан Солженицыным. Это был также утопический проект, но основанный на принципах русского национализма, патриотизма, умеренного авторитаризма и традиционного российского православия. Солженицын предлагал как можно быстрее распустить "покосившийся" Советский Союз и создать новое государство — "Российский Союз" в составе одних лишь славянских народов — русских, украинцев и белорусов, включая и российское население Казахстана. Лишь по необходимости в этот Союз могут войти и меньшие народы Поволжья, Сибири и Северного Кавказа, но "без обременения их государственными образованиями", то есть без автономии. Как известно, и судьба Советского Союза, и судьба Российской Федерации сложились в последние 10 лет не по Солженицыну и не по Сахарову. Однако их деятельность и их идеи оставили заметный след в истории развития общественного сознания в нашей стране.

...Великий русский ученый и великий русский писатель. Два нобелевских лауреата. И два великих социальных утописта XX века.

Б.Х.КУДРЯВОВ

Александр КУРБАТОВ

Рой МЕДВЕДЕВ, историк.